

УДК 316.48:159.9

*Е.В. Бакутцова***КОНСЕНСУАЛЬНЫЕ ИГРЫ В СЕТЕВЫХ ВОЙНАХ И ФЕНОМЕН ИМПЛАНТА¹**

В настоящей статье обобщается исследовательский опыт автора 2018–2020 гг. по возможности скриптоимплантации в онлайн-дискуссии агрессивного характера для предотвращения их разрушительного воздействия на личность и общественное согласие. На данном этапе скриптоимплантация концептуализируется нами как сетевое миротворчество для снижения уровня агрессии в коммуникациях. В работе проанализировано то, как миротворчество представлено в научной литературе самых различных направлений (военной, философской, политологической, конфликтологической), и выявлено, что психологические аспекты миротворчества вызывают все больший интерес, так как практика миротворчества сопряжена со множеством проблем. Тем более практика сетевого миротворчества как работа с языком и групповой социокогнитивной психологией предлагается впервые. Исследование проводилось в 2018–2020 гг. в русскоязычном секторе социальной сети Facebook. Показано, что анализ 5022 комментариев в 2018 г., 2458 – в 2019 г., 3139 – в 2020 г. позволяет выявить такие триггерные темы сетевых дискуссий, как «Хорошо или плохо быть русским», «Президент России», «Украина», «Протесты». Социальная проблематика (проблемы пенсионеров, детства, медицины, образования) обсуждается, но с меньшей интенсивностью. Обобщая опыт поисковых экспериментов, автор показывает, в каких категориях и субкатегориях представлены такие феномены, как коллективные страхи, ресентимент, агрессия, сепаратизм и терроризм. Отмечена работа по созданию шаблонов скриптов для сетевого миротворчества. Экспертная оценка выбранных текстов позволяет утверждать, что управление триггерными дискуссиями возможно.

Ключевые слова: миротворчество, сетевое миротворчество, сетевые дискуссии, конфликт, агрессия, консенсус, диссенсус, скриптоимплантация.

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-4-393-399

Введение

С явлением миротворчества мы знакомы по фильмам и новостям: после Второй мировой войны и после войны холодной проблема мира остается актуальной. Политические, военные, общественные организации, организации доброй воли, опираясь на Устав ООН, организуют деятельность по снижению уровня реальных угроз для жизни и благополучия людей в кризисных точках планеты. В то же время реальная практика миротворчества неоднозначна. По мнению О.О. Хохлышевой, современное миротворчество – это «совместный мегапроект великих держав, влиятельных международных организаций, отдельных социальных групп и личностей, осуществляемый в широком геополитическом континууме на протяжении весьма длительного времени. Олицетворяя собой коллективную инициативу масс, политических элит, народов и государств, направленную на предотвращение войны и достижение мира, оно фактически является своеобразным вариантом кризисного управления, представленным на различных уровнях: локальном, региональном, глобальном и направленным на контроль за трансполитическим хаосом народов» [16. С. 11]. Несмотря на широкое распространение миротворческой деятельности, она сопряжена со множеством проблем и непроработанностью практик на уровне юридического, политического и морально-этического [8]. Мы отмечаем еще один пробел в практике миротворчества – работа с новым злом современности – информационные войны, в которых неосознанно участвуют пользователи социальных сетей. Данная проблематика нами актуализируется впервые в научной литературе – не как постановка проблемы, а как конструирование реальных подходов к снижению уровня агрессии коммуникации в социальных сетях. Интегрируя опыт реальных практик миротворчества, подход к психике как источнику собственной активности [1; 2], а также методы коммуникативных наук, мы предлагаем понятие и практику сетевого миротворчества.

Теоретические основания

Понятие миротворчества рассматривается в основном в политологии, политической философии, правоведении, так как в политике посредничество и миротворчество регулируются нормативными ак-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00171 А.

тами. Исторична сама идея возможности мирного существования. Она представлена уже в трудах античных философов и политиков, в религиозных учениях Востока, и Запада в работах французских просветителей, а также в книгах Н. Маккиавелли, Л. Толстого, М. Ганди, Д. Неру, К. Райта, К. Клаузевица и др. В 1960 г. «Й. Галтунг предложил вместо традиционного фокусирования на исследованиях причин конфликтов обратить особое внимание на изучение условий для создания мира. Считается, что именно с этого момента теория конфликта и теории мира оказались слитыми воедино» [15. С. 46]. На современном этапе философские, исторические, политологические конфликтологические аспекты миротворчества рассматриваются в работах О.О. Хохлышевой, В.Н. Ремарчука, А.В. Корниленко и др. все эти работы касаются прежде всего международных и региональных отношений.

В.Н. Ремарчук отмечает, что «свое проявление миротворчество находит в деятельности, которая выступает формой функционирования ее элементов: субъекта, объекта и активности, как способа взаимодействия его элементов», где «субъекты миротворческой деятельности, воздействуя специфическим арсеналом методов на объекты, устраняют возникшие в мировом сообществе, регионе или внутри государств “рассогласования социальных систем”, приводя механизмы, поддерживающие мир, в устойчивое состояние» [12. С. 24].

Отметим, что современная практика миротворчества в политике (подразумевающая не только превентивную дипломатию, но и разумное использования оружия) ориентируется в том числе на изменение психологических установок в отношении конфликтов [1] как на «ключевой способ преодоления разрушительных психологических последствий конфликтов» [10. С. 103]. В частности, Р. Нец-Зенгут предлагает подход «самопроизвольной нормализации» через сотрудничество для преодоления последствий конфликтов.

Таким образом, из политической практики понятие «миротворчество» переходит в конфликтологию, и мы считаем возможным его использование в сетевой социальной психологии, где в качестве субъектов рассматриваются не государства и политические структуры, а люди – участники сетевых дискуссий. По словам Б.И. Хасана, примирение (миротворчество) «является конструктивной по результату, но во многом нерациональной (не имеющей под собой открытой и очевидной рациональной основы) процедурой» [14. С. 201]. Кстати, для целей нашего исследования это важное определение, так как виртуальные групповые дискуссии в основном лишены рациональной основы даже там, где осуществляется жесткая модерация. Все авторы отмечают «священные» [10] положения в сфере миротворчества: согласие сторон и принцип беспристрастности и удаленности миротворческих сил.

Хорошо известно, что в конфликтологии принято рассматривать в качестве главных способов урегулирования/разрешения конфликтных ситуаций доминирование (победа одной стороны над другой), компромисс (уступка с обеих сторон), интеграцию (удовлетворение потребности обеих сторон) [4. С. 303]. В сетевой дискуссии необязательно присутствие только двух противоборствующих мнений. Может быть и общая линия, никто ни с кем не спорит, но уровень агрессии высок и направлен против обсуждаемого объекта (например, публикация 13.08.2020 в группе «Александр Невзоров» по поводу выступления О. Скабеевой на канале «Россия 1» где она похвалила белорусских силовиков за работающую «тактику» во время разгона протестующих)².

Возможно несколько ветвей дискуссии, когда в обсуждаемую проблему внедряются новые темы (например), и здесь уже несколько очагов враждебности. Потребности и интересы участников дискуссий зачастую неочевидны, часто это не стремление к истине, а желание самоутвердиться либо контейнировать негативные эмоции. По словам Е. Ивахненко, «здесь мы имеем дело с конфликтом – симулякр или копией копии. Процесс получил сигнал на запуск безостановочного размножения, подобно солнечному зайчику, залетевшему в зеркальную комнату» [6. С. 82]. Тем не менее управление сетевыми конфликтами возможно, и одним из эффективных способов, наиболее мягкой формой участия третьей стороны является посредничество, но не как способ достижения истины, а как возможность приспособления коммуникаторов друг к другу. Известно, что во всем мире «посредничество широко используется ... для урегулирования споров личного, коммерческого, правового, коллективного, общественного, этнического и международного характера» [5]. Профессиональные сферы посредников – психология, право, дипломатия. Мягкое «принуждение к миру» в конфликтологии – стратегия, предложенная Уставом ООН: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего

² Страница «Александр Невзоров»: <https://www.facebook.com/nevzorovanevzorov>

стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору» [13. С. 26]. Р.Н. Азявин пишет: «Возникнув как международное средство поддержания и установления мира от имени всего мирового сообщества под эгидой ООН, в дальнейшем, после окончания холодной войны, миротворчество прочно вошло и в арсенал средств различных региональных и субрегиональных соглашений и организаций» [1. С. 50].

Попробуем выяснить, насколько эти принципы подходят к сетевым дискуссиям. В любом случае результат примирения – прекращение вражды.

Сетевое миротворчество – это социальная практика, направленная на минимизацию агрессии в онлайн-коммуникациях, препятствующая распространению общественного диссенса. В отличие от миротворчества регионального, государственного, геополитического, сетевое может осуществляться без согласия сторон, это бесконтактное управление коммуникацией при помощи текстов – скриптов (крипт). Создание групповых позиций согласия на самом деле представляет собой распределение устойчивых связей значений, порождающих агрессию, для последующего консенсуального сочетания новых значений на основе смысловой перегруппировки. Роевой этос сетевой коммуникации используется нами с целью конструирования группового согласия и его экстраполяции в текстопотоки на основе процессов ассоциации и диссоциации смысловых семантик.

С эпистемологической точки зрения смысловая реальность – следствие поэтапного влияния объективной случайности, которая влечет за собой ожидание будущей случайности и беспомощности ей противостоять. Российская смысловая случайность – феномен хаотического распада идеологии социума и его бессилия предотвратить энтропию могучей диссоциации смыслов, обнажившейся по причине слома искусственных скреп институциональной организации советского народа.

Возрастание энтропии социального сознания общества переформатирует категориальную и ценностную расчлененность смыслов (осознанность), а значит, перестраивает и групповую субъективность значений действительности, что приводит к активизации ирреальности реальности как «подкладки» неопределенности и вероятности обновления семиозиса психологии групп. Когнитивная сложность групповой идеологии активизируется и мобилизуется в условиях когнитивного кризиса группы: идеология подвергается энтропии категорий, становится неустойчивой и способной к радикальным изменениям. Тем не менее стремление групп к идеологической целостности в социальном сознании народов сохраняется, несмотря на идеологическое разнообразие, что позволяет суперсистеме более или менее пролонгировать контроль воспроизводства идеологической суперсистемы.

Метод

Наш эксперимент сетевого миротворчества носит поисковый характер. По справедливому замечанию А.Ю. Карповой и коллег, термин «аналитика в социальных сетях» в междисциплинарных исследованиях объединяет специалистов разных сфер еще на уровне концептуализации предметных сфер с перспективой автоматизации аналитического поиска [7]. На протяжении трех лет нами осуществлялись поиск, контент-анализ, компонентный анализ, грамматический анализ, интент-анализ, факторный анализ, криптоанализ и скриптоанализ текстов триггерных дискуссий, в которых фиксируется более 70 % высказываний, характеризующихся маркерами коллективных страхов, ресентимента, агрессии, интеллектуального терроризма и идеологического сепаратизма [1; 2].

Однако поиск и анализ – это только первая часть исследования. Работа с сетевым диссенсом в коммуникациях требует от нас не только выявления триггерных стимулов и ключевых высказываний, порождающих наиболее агрессивные отклики от участников дискуссий, но и деятельности по снижению уровня этой агрессии, для чего нами был предложен метод скриптоимплантации. По Хаббермасу, «в языке заключается, хотим мы того или нет, стремление к взаимопониманию... Смысл языка заключается в том, что мы стремимся быть понятыми или достичь взаимопонимания друг с другом» (Цит. по: [9. С. 327-328]).

Справедливо задать вопрос: на какой именно результат можно рассчитывать, внедряя в дискуссию скрипт? Приводит ли данная операция к полному согласованию мнений участников, или к прекращению потока оскорблений, или к разрушению текстопотока, или еще к чему-либо?

Задача сетевого миротворца (одновременно и метод): 1) создание текстов – синтезаторов согласия в ситуации токсичной агрессии коммуникации (общения, отношений) или диссенса; 2) внедрение скриптов – имплантов, способных «переключать» представления о предмете дискуссии через

приспособление смысловых доминант текстопотока к видению предмета в новом ракурсе согласия. Верификация результата обуславливается увеличением консенсуальных текстов в дискуссии до 30 %. Решая данную задачу, мы ждем от импланта обеспечения возможности управления групповым курсом с помощью мыслительного конструирования, то есть семиургии, изменяющей ее когнитивное пространство.

Также были подобраны 15 текстов – потенциальных скриптов для внедрения в триггерные дискуссии с целью минимизации агрессии. На основе экспертной оценки (N=100, исследование проводилось в мае 2020 г.) тексты ранжированы по шкале от 0 до 10 по уровню миротворческого потенциала.

Результаты

В ходе исследования 2018–2020 гг. в русскоязычном секторе социальной сети Facebook нами были проанализированы тексты 100 онлайн-дискуссий в случайной выборке сообществ либо страниц известных блогеров, где не менее 5 тысяч подписчиков (2018 г. – 42 дискуссии, 2019 г. – 29 дискуссий, 2020 г. – 29 дискуссий). Тематика обсуждений разнообразна: семейное насилие, выборы, шутки про полицейских, Крымский мост, история и т. д.). Однако не обязательно, что на протяжении всей дискуссии будет поддерживаться «стимульная тема». Как правило обсуждение «скатывается» к: 1) наиболее болезненной актуальной проблематике; 2) взаимному оскорблению коммуникантов, к оскорблению автора публикации или оскорблению власти и ее сторонников (или врагов, в зависимости от направленности группы).

Тематика конференций с наибольшим количеством комментариев такова: «Хорошо или плохо быть русским», «Президент России», «Украина», «Крым», «Америка», «Олигархи», «Чиновники», «Коррупция в Церкви», «Плохая медицина», «Пенсионеры», «Расходы на детей», «Протесты». В 2020 г. актуальными темами стали «Ковидобесие» (и связанная с этим проблема свободы и несвободы в условиях изоляции) и «Выборы в Белоруссии». По всем конференциям в 2018 г. – 5022 комментария, в 2019 – 2458, в 2020 – 3139.

На рисунке приводим процентное распределение количества комментариев по наиболее триггерным темам.

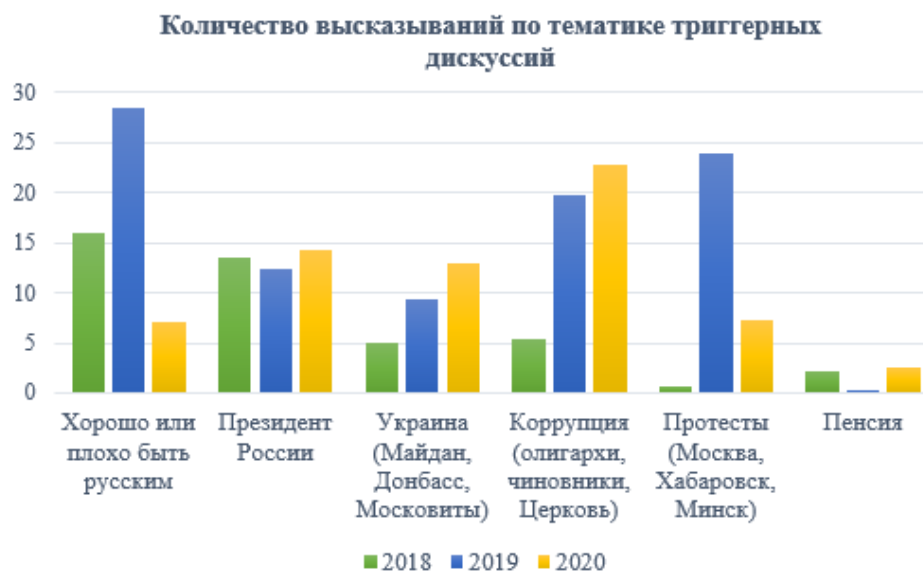

Рис. Процентное распределение комментариев по темам дискуссий

Обсуждение

Реальность сама предлагает темы триггерных дискуссий: в 2018 г. это были выборы президента России, чемпионат мира по футболу и Пенсионная реформа; в 2019 г. – пожары в Сибири и протесты в Москве; в 2020 г. – эпидемия и поправки к Конституции. Однако тематические категории, представленные на рисунке, позволяют утверждать, что к определенной проблематике сохраняется устойчивый

интерес. Интересно, что в 2018 г. такие темы, как «Украина» и «Коррупция», были менее популярны, чем в 2020 г. В целом основной источник ресентимента и потребности выразить вражду – все, что связано с властью. Социальные проблемы, то есть то, что «ближе к телу», занимают здесь наименьшее место, россиян больше волнуют проблемы глобальной политики (в рамках российской действительности). Участники политизированы и уверены в своей компетентности по любому из обсуждаемых вопросов. Например, публикация от 1 августа 2019 г. в группе «Русские»: «И теперь подумайте, отражают ли реальность все эти панические новости СМИ?» (о том, что информация о потерях от пожаров в Сибири преувеличена)³. Публикация получила 48 комментариев (орфография и пунктуация авторов сообщений сохранены): «Да там уже поймали хохлов-поджигателей!»; «Во! Пока был Порошенко, он в соответствии с фамилией, с порохом работал. А как пришел Зеленский, он соответственно взялся за зеленые насаждения»); «Горит в безлюдных районах. Некому тушить. Никто не хочет работать даже за большие деньги. А таджики везде не успевают»; «То, что америкос не осилил это нормально, он активно за Путина топит, хочет что бы Путина Америка достала со своими майданами и он на нее бомбу скинул. В общем хочет просто сдохнуть)))) ну мы с ним это обсуждали уже))))».

Авторы уверенно комментируют материал, в котором содержатся факты и расчеты, не приводя аргументов, а лишь относясь – не столько к событию, сколько к автору. Еще более ярким примером служат публикации, в центре которых – «продажные журналисты», депутаты Государственной думы, мэр Москвы С.С. Собянин. В частности, в группе «Делишки дилетантов Собянина» 30 июля 2020 г. опубликован материал «Собянин ввел карантин по бешенству в двух районах Москвы»⁴. Текст получил 123 комментария, публикация которых не представляется возможной. И только один человек высказался объективно: «И иии? В чем возмущение? Бешенство есть. И каждый год Москва закрывается на карантин. Спасибо “ответственным” владельцам животных».

В наших исследованиях возможностей и тенденций сетевого миротворчества как ослабления групповой агрессии были прежде всего описаны феномены когнитивно-эмоциональной сферы участников сетевых дискуссий.

Например, на основе авторской модели, проясняющей продуцирование ресентимента как одной из форм социальной депрессии и уровней ресентиментоёмкости сетевых текстов, ресентимент определяется замером системы индексов выражения ресентимента, их плотностью и многообразием, а также депрессивными криптокодами семантики феномена. В ходе эксперимента выявлены примеры ресентиментности сетевых текстов – сети комментариев – реакций на различные стимулы, фиксирующих «крипты депрессии», занимающие устойчивое место в коллективном сознании сетевых коммуникаторов. К доминантным криптам ресентимента могут быть отнесены логемы: «враг народа», «народная кара», «оккупанты», «русофобия». Именно ресентимент приводит к росту агрессии в сетевых коммуникациях, направленной, как отмечалось выше – на предмет обсуждения и друг на друга.

Нами выявлены и описаны коллективные страхи в сетевой коммуникации, принимающие форму оскорблений, угроз, газлайтинга. На этой основе определяется выбор консенсуального импланта в зависимости от преобладания бинарного или тернарного потенциала группового диссенсуса.

В этой связи предполагавшийся поиск проявлений сепаратизма и терроризма в онлайн-коммуникациях вышел на новый уровень: первый феномен эксплицируется как идеологический сепаратизм, второй – как интеллектуальный терроризм (по сути, выстраивается цепочка от эмоций к поведению: фрустрация → ресентимент → агрессия → интеллектуальный терроризм).

Сетевой сепаратизм выступает как категория идентификации – себя (личности и группы), других и другими – и выражается в субкатегориях «идеологические противники», «аутентичность», «суверенитет», «обособление», «самоопределение», выявленных при анализе дискуссий. И сетевой терроризм, и сетевой сепаратизм носят инвективный характер вне зависимости от этничности или политической ориентации, причем для наиболее сплоченных групп характерна оскорбительная идентификация друг друга, но не самоидентификация и самоопределение.

Высокий уровень сетевой агрессии – порождение высокого уровня ресентимента общества, в дискуссиях не ищут истину, возможно, не ищут и справедливость, но виртуальная коммуникация дает возможность пишущим выразить враждебность.

³ Группа «Русские»: <https://www.facebook.com/groups/rossiyane>

⁴ Группа «Делишки дилетантов Собянина»: <https://www.facebook.com/groups/1378040029101405>

Выводы

Сопряжению микросоциальной психологии (этнизм, конфессиональность) с модернизационными процессами психики противостоит репрессивный характер экстремизма социальной культуры, воспроизводимой всеми без исключения социальными институтами: армией, школой, семьей, корпорацией и т. д. Общеизвестно, что детьми усваивается не то, чему учат их родители и учителя, а их поведение. Уход идеологии коллективизма (в чем-то также репрессивной по отношению к личности) и внедрение индивидуализма, как доминирующей стратегии поведения «успешного» человека в современном обществе, не допускает развитие социализации в режиме сопричастности.

Поиск скриптов творческого единения, человеколюбия, сопричастности общей судьбе и т. д. как имплантов в «тело» общественно опасных групповых конференций является целью нашего исследования. Смоделированные и проведенные нами эксперименты по выявлению негативных эмоционально-когнитивных явлений (страхов, агрессии, сепаратизма и терроризма) указывают в том числе и на возможность управления этими состояниями для стимуляции конструктивного ментального группового состояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азявин Р.Н. Миротворчество: новые подходы, новое содержание // Теория и практика общественного развития, 2009. С. 50–59.
2. Бакшутова Е.В. Конфронтационные установки дискуссионных сообществ русскоязычного сектора сети Facebook // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения, 2019. Т. 3, вып. 4. С. 402–408. DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-402-408
3. Бакшутова Е.В. Сетевые войны, полилог и скриптоконвенция в общественно деструктивных онлайн-группах Вестник СамГТУ. Сер. Психолого-педагогические науки. 2019. № 3 (43). С. 6–18. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2019.3.1.
4. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2006. 464 с. Серия «Мастера психологии».
5. Давыденко Д.Л. Как избежать судебного разбирательства: посредничество в бизнес-конфликтах. М.: Секрет фирмы, 2003. 110 с.
6. Ивахненко Е.Н. Онтология конфликта и стратегия посредничества // Век толерантности, 2003. № 6. С. 79–89.
7. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа // Вестн. Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 138–146. DOI: 10.17223/1998863X/52/14.
8. Корниленко А.В. Феномен миротворчества в современной системе международной безопасности // Вестник РУДН. Сер. Политология, 2014. № 3. С. 128–135.
9. Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб: Нотабене, 1992. 445 с.
10. Нец-Зенгут Р. Процесс примирения между участниками трудноразрешимых конфликтов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. С. 103–125.
11. Никитин А.И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения, 2016. Т. 60, № 3. С. 16–26.
12. Ремарчук В.Н. Современное миротворчество. Политические и военные проблемы: дис. ... докт. филос. наук. М., 1998. 409 с.
13. Устав Организации объединенных наций и статут международного суда. М., 1982. 96 с.
14. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. СПб.: Питер, 2003. 250 с.
15. Хохлышева О.О. Миропонимание, миротворчество, миросохранение: опыт XX столетия: монография. Н. Новгород: Изд-во НГУ, 2002. 549 с.
16. Хохлышева О.О. Динамика миротворческих процессов XX века и ее значение для военной безопасности России: дис. ... докт. ист. наук. Н. Новгород, 2003. 453 с.

Поступила в редакцию 18.09.2020

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры «Педагогика, межкультурные коммуникации и русский как иностранный»
ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»
443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244, Главный корпус
E-mail: bakshutka@gmail.com

*E.V. Bakshutova***CONSENSUAL GAMES IN NETWORK WARS AND THE IMPLANT PHENOMENON**

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-4-393-399

This article summarizes the author's research experience in 2018–2020 on the possibility of script implantation in online discussions of an aggressive nature to prevent their destructive impact on personality and social consent. At this stage, script implantation is conceptualized by us as network peacekeeping to reduce the level of aggression in communications. The work analyzes how peacemaking is presented in scientific literature of various directions – military, philosophical, political science, conflictological, and it is revealed that the psychological aspects of peacekeeping are of increasing interest, since the practice of peacekeeping is fraught with many problems. Moreover, the practice of network peacemaking as work with language and group sociocognitive psychology is offered for the first time. The study was conducted in 2018–2020 in the Russian-speaking sector of the social network Facebook. It is shown that the analysis of 5022 comments in 2018, 2458 – in 2019, 3139 – in 2020 allows identifying such trigger topics of online discussions as “It is good or bad to be Russian”, “President of Russia”, “Ukraine”, “Protests”. Social issues: the problems of pensioners, childhood, medicine, education – are discussed, but with less intensity. Summarizing the experience of search experiments, the author shows in which categories and subcategories such phenomena as collective fears, resentment, aggression, separatism and terrorism are represented. Work on creating script templates for networked peacekeeping is noted. An expert assessment of the selected texts allows us to assert that the management of triggered discussions is possible.

The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities, project no. 18-013-00171 A.

Keywords: peacemaking, networked peacemaking, networked discussions, conflict, aggression, consensus, dissensus, script implantation.

Received 18.09.2020

Bakshutova E.V., Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor at Department of Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language
Samara State Technical University
Molodogvardejskaya st., 244, Samara, Russia, 443100
E-mail: bakshutka@gmail.com